

Къ вопросу объ оживленіи церковно-общественной дѣятельности 1).

Духъ животворить, плоть не пользуется ни мало (Іоан. VI. 63).

Черезъ дѣла-ли закона вы получили Духа (Галат. III, 2)?

„Церковный Вѣстникъ“ въ № 32 за 1903 годъ познакомили своихъ читателей съ „проектомъ новаго общества“,— „общества возрожденія церковно - общественной жизни въ Россіи“ или „общества развитія и усиленія благотворительной и просвѣтительной дѣятельности въ приходѣ“. Въ дополненіе къ этому въ № 38 за тотъ же годъ, въ статьѣ „рѣчи о приходѣ“ онъ излагаетъ мысли объ этомъ предметѣ извѣстнаго А. А. Папкова. Въ этихъ двухъ статьяхъ приходскій проектъ представленъ полно и ярко.

Уставъ „новаго общества“, какъ теперь стало извѣстнымъ, не получилъ утвержденія. Однако это обстоятельство не должно, конечно, тормозить развитія вопроса объ оживленіи у насъ церковно-общественнаго сознанія и дѣятельности; напротивъ, оно вынуждаетъ поглубже подумать надъ нимъ. Движеніе, разъ оно серьезно возникло, будетъ проявляться не въ тѣхъ, такъ въ другихъ формахъ. Теперь оно имѣетъ особенную поддержку въ возбужденномъ вопросѣ объ общемъ и цѣлостномъ возрожденіи начала соборности въ жизни нашей церкви. Поэтому „необходимость популяризаціи трудовъ по приходскому вопросу въ обществѣ и гласнаго обсужденія этого вопроса (Ровинскій „Слово“ 1905, 157)“ должна сознаваться теперь съ особенной настоятельностью.

1) Редакція не можетъ присоединиться къ нѣкоторымъ сужденіямъ почтеннаго автора, по крайней мѣрѣ въ предлагаемой формѣ, что и будетъ разъяснено особой замѣткой по напечатаніи статьи.

Прим. Ред.

Въ силу именно этого сознанія мы и предлагаемъ, не претендуя на полноту изслѣдованія вопроса, нѣсколько замѣчаній и соображеній относительно общихъ принциповъ и болѣе важныхъ пунктовъ приходскаго проекта, вызывающихъ серьезныя недоумѣнія. Свои замѣтки мы приурочили именно къ изложенію приходскаго проекта въ двухъ указанныхъ статьяхъ Ц. В.; потому что другого, болѣе полного, сжатого и яркаго изложенія его въ періодической печати мы не встрѣчали.

I. Изъ проекта новаго общества прежде всего видно, что оно желало бы породить въ одной церковно-общественной ячейкѣ, приходѣ, цѣлую сѣть всевозможныхъ общинъ, кружковъ, братствъ и союзовъ, требующихъ для своего согласованія образованія новыхъ обществъ и кружковъ. Перечень этихъ обществъ и кружковъ въ приходѣ кончается въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ очень знаменательно: „и т. д. и т. д.“...

Этой многосложной, безпредѣльно формирующейся организациіи прихода приписывается проектомъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ поднятія и вдохновенія церковно-общественной жизни. *Но правда-ли, что подобныя организациіи такъ важны и вліятельны въ жизни?*

Вотъ наше первое недоумѣніе по данному вопросу. Мы не хотимъ утверждать, что проектируемые приходскіе кружки и союзы будутъ точь-въ-точь такими же, какъ и многіе изъ существующихъ уже союзовъ и обществъ; однако нельзя отрицать, что существующими опытами уже значительно поколеблено уваженіе къ самому принципу подобныхъ организациій. Кромѣ того характеръ и духъ проекта, какъ увидимъ, не обѣщаетъ чего-либо живаго и оригинальнаго въ этомъ родѣ. Поэтому намъ кажется необходимымъ отмѣтить то обстоятельство, что въ очахъ людей, подлинно жаждущихъ нравственно-религіозной жизни и дѣятельности, во множествѣ возникавшіе и возникающіе за послѣдніе дни благотворительные кружки, общества и союзы не завоевали себѣ глубокихъ симпатій и прочнаго уваженія.

Начать хоть съ того, что большинство членовъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій—люди богатые и пресыщенные, кидающіе бѣднымъ крупицы отъ своей слишкомъ обильной трапезы. Затѣмъ, дѣла почти всѣхъ этихъ обществъ такъ формально-сложны, мелочны и хлопотливы,

что заниматься ими могутъ только хорошо обеспеченные и не связанные дѣломъ люди. Результаты многихъ изъ этихъ обществъ очень часто бываютъ курьезны: собраній, дебатовъ, базаровъ, концертовъ, отчетовъ и дѣлопроизводства—масса, а въ итогѣ жалкіе гроши, едвали не большая часть которыхъ уходитъ на самую организацію благотворительныхъ базаровъ и концертовъ... Въ нѣкоторыхъ очень умныхъ и симпатичныхъ учрежденіяхъ дѣла иногда достаточно только для одного или двоихъ, а къ нему приставляются десятки людей; надъ этими же десятками стоятъ сотни („общія собранія“) лицъ, контролирующихъ, разсуждающихъ, выбирающихъ и составляющихъ инструкціи. Дѣло, пустое и короткое для одного, если должно быть исполнено при разсужденіи, рѣшеніи, провѣркѣ и голосованіи тысячи человекъ, превращается въ трудное, долгое, скучное и многосложное. Этотъ явный абсурдъ оскорбляетъ и мертвитъ нравственный смыслъ и энергію членовъ общества. Въ силу этого люди трудящіеся, обремененные жизнью и серьезными обязанностями, и слышать не могутъ о принадлежности къ этимъ обществамъ въ качествѣ дѣятельныхъ ихъ членовъ. Отъ этого происходитъ и то, что почти въ большинствѣ случаевъ распорядительныя собранія благотворительныхъ обществъ состояются съ большимъ трудомъ: нужно не одинъ разъ рассылатъ повѣсти, чтобы составилось число членовъ, необходимое для открытія засѣданія.

Правда, есть благотворительныя предпріятія очень солидныя, достигающія колоссальныхъ результатовъ и богатствъ. Но что содержитъ въ себѣ нравственно - великаго лежащей въ основѣ ихъ принципъ? Успѣхи этихъ обществъ не нуждаются въ христіанскихъ чувствахъ: они достигаются при посредствѣ остроумнаго разсчета. Если миллионъ людей отдастъ по одной ненужной копѣйкѣ, то получится большая сумма, втеченіе многихъ лѣтъ по сложнымъ процентамъ способная вырости въ значительный капиталъ, который при новыхъ ежегодныхъ миллионахъ копѣекъ увеличится въ колоссальныя суммы. Сборы, налоги, членскіе взносы, иногда принудительные,—вотъ источникъ жизни многихъ благотворительныхъ начинаній. О свободномъ починѣ и увлеченіи въ большинствѣ случаевъ и упоминанія нѣтъ, развѣ едва-едва при „учрежденіи“ того или иного общества. Правда, иногда

отдаютъ „три рубля“ съ глубокимъ сознаниемъ нравственнаго долга, но въ этомъ только и выражается все участіе члена въ „обществѣ“. Вообще задача большинства „обществъ“ состоитъ въ томъ, чтобы при полномъ спокойствіи и безмятежности членовъ создать полезныя и громкія дѣла, способствующія большому спокойствію и комфорту жизни. Иной „благотворитель“ съ гордымъ видомъ фари́сея-праведника вносить рубль-другой въ благотворительный фондъ, а тысячи кидаетъ на свои прихоти и похоти; обличителямъ онъ съ спокойной совѣстью указываетъ на „наши“ дома, въ которыхъ находятъ пріютъ сотни бѣдняковъ; этихъ бѣдняковъ благотворитель, случается, обираетъ на сотни рублей своей обычной будничной дѣятельностью и удовлетворяетъ на копѣйки въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ часто является грозною властью. Намъ извѣстно одно чудное по идеѣ учрежденіе, въ которомъ, къ сожалѣнію, нѣсколько „Тить-Титычей“, попавшихъ въ „члены правленія“, являются грубыми деспотами надъ сотнею женщинъ и дѣтей, пріобрѣтши за пять рублей взноса арену для безпрепятственнаго развитія своего нрава и безгласныхъ дешевыхъ поденщицъ для своихъ домашнихъ работъ... Всѣ предпріятія, отъ которыхъ кому-нибудь тепло, конечно, должны нами привѣтствоваться и благословляться. Но не о всякомъ такомъ предпріятіи можно говорить, что оно способствуетъ оживленію нравственнаго сознанія и чувства въ обществѣ. Значительныя, по своимъ благотворительнымъ результатамъ въ матеріальной жизни, предпріятія чуть не всегда бываютъ крайне бѣдны духовной жизнью, и ихъ нравственный обликъ представляется слишкомъ мелкимъ предъ тѣмъ идеаломъ жизни, какой возвѣщается христіанствомъ. Правда, бываютъ молодыя организаціи, полныя какъ будто самыхъ горячихъ умиляющихъ порывовъ; но духъ ихъ выдыхается, едва только они нисходятъ въ однообразно-рутинную практику жизни; они живы и одушевлены только при короткомъ существованіи.

Вообще всѣ эти „общества“ носятъ столичный и кабинетный характеръ. Нѣтъ въ нихъ главнаго—„духа жива“, а есть пунктуально по параграфамъ начертанная инструкція—мертвое тѣло. Отчего и выходитъ, что кабинетный проектъ для своего осуществленія требуетъ отъ своихъ радѣтелей

того, чтобы они ходили, кланялись, рекламировали свой проектъ, надобѣдали всѣмъ, получали извѣстную лепту,—а въ концѣ концовъ все-таки дѣятельность возникшаго кружка является вялою, бюрократическою, холодною и докучливою, а иногда принудительною и ненавистною. Иногда соберутся члены какого-либо добраго кружка и смотрятъ другъ на друга, съ чего начать и куда повѣсти разговоръ; когда онъ не удастся на тему, отвѣчающую цѣли ихъ собранія, слѣдуетъ справка съ уставомъ, какъ имъ полагается говорить и дѣйствовать; если и послѣ справки интереса и дѣла не получается, то возбуждается вопросъ о расширеніи устава, о переименованіи цѣлей, направленій и дѣйствій кружка; и какъ бы въ этихъ вопросахъ дѣятели не успѣвали, какъ бы ни разсаживались и ни принаровлялись, подобно участникамъ извѣстнаго квартета они не достигнутъ ни складу ни ладу. Къ этому нужно прибавить борьбу личныхъ самолюбій, мелочныя дразги...

Изъ всего сказаннаго можно усмотрѣть основанія къ тому, почему рѣчи о всякихъ сочиненныхъ обществахъ, союзахъ и организаціяхъ сдѣлались вообще тяжелыми, скучными и безплодными въ подлинно-дѣятельной средѣ.

Что же: этихъ обществъ и организацій не нужно? Нѣтъ, нужно; но только на такихъ началахъ, какія могутъ дать имъ дѣйствительную горячую жизнь. Тѣ благія и могучія общественныя дѣла, которымъ пытаются механически подражать многіе „общества“ и „союзы“, на самомъ-то дѣлѣ создаются людьми великаго духа, горячей вѣры, мощной воли и искренняго убѣжденія, за которыми всѣ идутъ восторженно, движимые истиннымъ духомъ любви Христовой. Этимъ живымъ личнымъ духомъ и починомъ только и могутъ быть созидаемы такія дѣла, каковы въ Кронштадтѣ о. Іоанна или на Успенскомъ островкѣ о. А. Колоколова.

А между тѣмъ проектъ новаго общества ничего не говоритъ о той силѣ, которая дѣлаетъ людей героями добра, даже больше, какъ увидимъ: онъ сознательно почти игнорируетъ ее, возлагая всѣ надежды на разработку и пропаганду сложной приходской организаціи.

При чтеніи подобныхъ проектовъ о приходѣ нужно вспоминать мудрыя и краткія слова по этому поводу покойнаго Рачинскаго. Изложивши свои планы и ожиданія относи-

тельно воспитательнаго и просвѣтительнаго вліянія народной школы, С. А. пишетъ: „предвижу, что читатель, даже сочувствующій общему смыслу моихъ предположеній, возразитъ мнѣ, что они неосуществимы, пока нашъ приходъ не получитъ болѣе правильной организаціи, болѣе определенныхъ правъ относительно выбора своихъ пастырей и внутренняго управленія. Признаюсь, что не могу стать на эту точку зрѣнія, хотя и не отвергаю ея относительной справедливости. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, расширенію нашихъ правъ, по крайнему моему разумѣнію, долженъ бы предшествовать дружный приступъ къ исполненію нашихъ обязанностей. Все ли сдѣлано въ нашихъ приходахъ, что возможно при настоящихъ условіяхъ? Сдѣлано ли хоть что нибудь? Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указали бы на необходимость для нея большаго простора? Увы! мы живемъ среди пустыхъ рамокъ и, не думая ихъ наполнить нашей дѣятельностью, жалуемся на ихъ тѣсноту и требуемъ ихъ расширенія. Никакая организація, какъ бы ни была она совершенна, не можетъ создать организма, не можетъ создать жизни, а всякая жизненная дѣятельность неминуемо создаетъ органы ей свойственные, ей необходимыя. Будемъ же хлопотать о первомъ, а второе приложится намъ. Всякая общественная дѣятельность слагается изъ личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга. За отсутствіемъ этихъ личныхъ свободныхъ починовъ, всякая организація, является усыпляющею ложью или мертвящимъ насиліемъ. („Сельская школа“ стр. 53, 54, 4-го изд.)“.

II. Для того, чтобы люди были единымъ братствомъ и служили другъ другу и всѣмъ съ вдохновеніемъ истинной любви, а не лицемерно—по расчету или принужденію, требуется, чтобы они были нравственно здоровы, успокоены въ требованіяхъ своего духа и совѣсти, единомушны и единомышленны, т. е. чтобы они имѣли силу, растворяющую и сливающую ихъ души. Эта сила называется религіею.

Религія есть отверженіе своего себялюбія предъ видѣніемъ Божіей любви, она есть единство человѣка съ этой любовью, а въ ней и чрезъ нее со всѣмъ, что требуетъ любви. При такой религіозности христіанинъ горитъ духомъ Христовой любви, онъ любитъ брата, какъ возлюбилъ его и

всѣхъ Христось (Іоан. XIII, 34). Этотъ чистый огонь божественнаго добра не можетъ возникнуть безъ вѣры. Вѣра—источникъ въ человѣкѣ Духа Божія, Духа Христова, любви Божіей (Галат. III, 2, Рим. V, 5). Безъ вѣры и Духа подробный Законъ добродѣтелей былъ для человѣчества „мертвящею буквою“.

По апостольскому ученію—вѣра созидаетъ дѣла и спасеніе, а для пустой души какія бы мудрыя инструкціи ни составлялись—они останутся мертвымъ реестромъ дѣлъ, „закономъ заповѣдей“. Законъ не оживить человѣка, какъ никакой совершеннѣйшій уходъ не спасетъ дерева, лишеннаго корня. Для оживленныхъ же вѣрой не требуется законовъ, какъ не надобно ученыхъ мертвенныхъ схемъ для растенія, развивающагося по законамъ своей природной жизни (Галат. V, 22, 23).

Этого апостольскаго возрѣнія не замѣтно въ разбираемомъ проектѣ; въ немъ, напротивъ, выставляется на первый планъ—„правда дѣлъ“, что подобно тому, какъ если бы мы при посадкѣ дерева обратили вниманіе на красоту его листьевъ, не принявъ въ расчетъ отсутствія корня. Сила единомышленной христіанской вѣры и единогодушнаго вдохновенія здѣсь игнорируется. Намъ даже отчасти думается, что весь секретъ возникновенія проекта не въ томъ ли и состоитъ, что для нѣкоторыхъ, не лишенныхъ естественной доброты, людей, по ихъ малодушію, т. е. по добровольному умственному и нравственному безсилію, неподъемна стала подлинная вѣра, источникъ святыхъ дѣлъ и героическихъ подвиговъ.

На самомъ дѣлѣ, что можетъ означать эта странная фраза (Церковный Вѣстникъ № 38, 1903 г., столб. 1189): „ожидаемое многими сближеніе такъ называемой интеллигенціи съ духовенствомъ произойдетъ не на почвѣ догматическихъ разсужденій и соглашеній, а на почвѣ общаго добраго дѣла, которое заставитъ ихъ уважать и полюбить другъ друга“?

О догматическихъ „соглашеніяхъ“, въ виду невозможности компромиссовъ съ истиною, никто и недумаетъ изъ людей церкви; это слово лишнее. Именемъ „догматическихъ разсужденій“ съ отѣнкомъ пренебрежительности обозначаются здѣсь, повидимому, усилія церкви выяснить живую истину христіанскаго вѣроученія (неразрывнаго съ нравоученіемъ) представителямъ современной мысли. Смыслъ фразы полу-

чается, кажется, такой: „довольно говорить о вѣрѣ, убѣдить въ ней людей дѣйствительно умныхъ дѣло безнадежное, а лучше давайте дѣлать съ ними общее доброе дѣло, ради котораго только и можно намъ съ ними уважать и любить другъ друга“. Возрѣніе знакомо. Фраза, подсказанная имъ, обнаруживаетъ, что приходское прожекторство возникаетъ или рекламируется въ той средѣ, гдѣ не знаютъ подлинной вѣры и христіанскаго добра, гдѣ питаютъ скупающую совѣсть суррогатами добродѣтели — многочисленными засѣданіями въ разныхъ благотворительныхъ „кружкахъ, обществахъ и союзахъ“.

Кому близки и дороги задачи церкви, тотъ пойметъ, сколько неправды и малодушія въ этомъ желаніи спрятать свою вѣру и выставить на показъ свои праведныя дѣла. Нѣтъ, церковь никогда не сомнѣвалась, что ея возвышенныя вѣрованія могутъ быть особенно дорогими именно для самыхъ умныхъ людей, хотя и скорѣе они доступны младенцамъ. Церковь не раздѣляетъ вѣры и жизни: вѣра—сущность и душа каждаго христіанскаго дѣла. Поэтому вѣра для нея не отвлеченное познаніе или мистическое чувство, а реальная жизнь во Христвѣ. Эта вѣра не проповѣдуется „въ спорныхъ словахъ человѣческой мудрости“, а „въ явленіяхъ духа и силы“...

Общеніе церковное есть глубочайшее духовно-нравственное сродство вѣрующихъ и ихъ единство во Христвѣ. Можетъ-ли быть такое единеніе у вѣрующаго съ невѣрующимъ? Какъ возможно у нихъ живое и сердечное согласіе въ дѣлахъ, когда нѣтъ его въ главномъ, въ основѣ и корнѣ? Единеніе ихъ можетъ быть только формальнымъ, дѣловымъ, скучнымъ. Созидайте какія угодно добрыя общенія, это, конечно, не поведетъ къ худу, только не называйте ихъ церковными, а гуманитарными, этическими. Исповѣданіе Христа—вотъ камень въ основаніи церкви; всякое общеніе на этомъ основаніи есть церковное; всякое иное доброе общеніе можетъ быть благословлено церковію, но должно считаться постороннимъ для ея собственныхъ плановъ и усилій, направленныхъ на корень всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, а не на ихъ частную многообразность. Церкви нужно свободное вдохновенное добро, а не корректная исправность въ исполненіи точныхъ инструкцій размѣченной добродѣтели.

Живая церковная вѣра не есть только разсужденіе, хотя безъ него она и не возможна; но она не мыслима также и безъ любви, безъ добра; она не можетъ возникнуть въ зломѣ и гордомъ сердцѣ, ибо открывается только тому, кто ищетъ смысла своей любви и ея постоянной живой силы. Поэтому игнорировать интересы вѣры въ вопросахъ практическаго добра значить не знать ея.... Трудно быть въ единеніи съ людьми, отъ которыхъ нужно прятать свою вѣру и предъ которыми будто бы нужно „стыдиться словъ Сына Человѣческаго“. Если нелицемерный христіанинъ захочетъ быть дѣйствительнымъ братомъ невѣрнаго или равнодушнаго, то неминуемо должны возникнуть горячія разсужденія о вѣрѣ. И почему бояться этихъ „разсужденій“? Если разсуждать дѣйствительно по-христіански, то наши разсужденія никому не могутъ быть тягостными, такъ какъ полны духа любви и свободы. Вѣдь любовь именно и заставляетъ людей приходить въ общеніе по самымъ сокровеннымъ упованіямъ своей совѣсти. Иное дѣло разсужденія фанатическія, изувѣрныя, насильственныя; такія должны быть изгнаны отовсюду, гдѣ произносится имя Христа и гдѣ есть подлинная спокойная вѣра. Но добрыя разсужденія о вѣрѣ по-братскому стремленію къ единомыслію и единомудушію должны быть; и если мы не сойдемся съ такъ называемою интеллигенціей „на почвѣ этихъ разсужденій“, то значить, совсѣмъ не сойдемся; одно участіе съ нею въ общихъ собраніяхъ и общемъ дѣлѣ, безъ солидарности убѣжденій и совѣсти, не слишкомъ-то радостно и плодотворно. И едва ли мы будемъ стоить бѣльшаго уваженія въ глазахъ „интеллигенціи“ и своихъ собственныхъ, если будемъ тактично умалчивать о самомъ главномъ, объ основныхъ жизненныхъ убѣжденіяхъ своей совѣсти. Съ чего бы вы ни начали въ общеніи съ „интеллигенціей“,—„догматическихъ разсужденій“ вы не избѣгнете: утаить ихъ—для Церкви значить утаить саму себя. Принизить церковную жизнь до дѣятельности филантропическихъ обществъ значить умалить дѣло Христа, усомниться въ цѣляхъ и задачахъ церкви. Созидайте филантропическія общества, дѣло—благое, но не говорите, что вы созидаете и оживляете Церковь. Ея цѣли—глубже и шире, ея средства живѣе и могущественнѣе.

Сближеніе на почвѣ „общаго добраго дѣла“ конечно желательнѣе. Конечно, на этой почвѣ намъ съ „интеллигенціей“ можно оцѣнить другъ друга и научиться взаимному уваженію. Но все ли это? Это-ли „ожидаемое многими сближеніе такъ называемой интеллигенціи съ духовенствомъ?“ Нѣтъ, это только начало, только поводъ къ попыткамъ установить полное церковное общеніе и единство. Это же послѣднее можетъ произойти именно только на почвѣ догматическаго единомыслія, на почвѣ единой вѣры, единаго упованія. Только въ такомъ случаѣ союзъ добра будетъ живымъ, вдохновеннымъ и горячимъ, а до тѣхъ поръ „сближеніе на почвѣ общаго добраго дѣла“ будетъ представлять изъ себя только корректный *modus vivendi* при одномъ занятіи вѣры и невѣрія, религіозной ревности и равнодушія.

На почвѣ общаго добраго дѣла „догматическихъ разсужденій“ трудно избѣгать. Если мы любимъ братьевъ, то не сможемъ утаить въ себѣ радости своего познанія и своей убѣжденной вѣры. И особенно каждое доброе дѣло подлинныхъ христіанъ неизбѣжно должно носить на себѣ всѣ свойства ихъ вѣры, быть именно дѣломъ Христовымъ. Но если при такой церковной дѣятельности происходитъ сближеніе въ практической сферѣ между вѣрой и невѣріемъ, то „оглашеніе“ послѣдняго неизбѣжно. Избѣгать же этого намѣренно значить осудить людей церкви на дѣятельность съ приниженнымъ идеаломъ добра.

Конечно, намъ не нужно чуждаться „внѣшнихъ“, а нужно ко всѣмъ подходить съ искреннимъ расположеніемъ любви и мира, насколько это возможно и зависитъ отъ насъ (Рим. XII, 18). Нельзя, разумѣется, насильно заявлять и проповѣдывать свои убѣжденія; не слѣдуетъ также и разрывать „общаго добраго дѣла“ съ людьми иныхъ понятій; но въ данномъ случаѣ наше общеніе будетъ дѣломъ „страдающей“ любви, а не тѣмъ удовлетворяющимъ „сближеніемъ“, котораго „ожидаютъ“. Однако, какимъ бы оно ни было, всякое сближеніе съ „внѣшними“ въ добромъ дѣлѣ драгоцѣнно съ церковной точки зрѣнія, такъ какъ оно должно пріобрѣтать уваженіе для людей вѣры, *но не за ихъ только участіе въ общемъ дѣлѣ*, должно сближать и умственныя симпатіи обѣихъ сторонъ, *но не въ практическихъ только вопросахъ добра*.

Конечно, не могутъ завоевать сочувствія и самыя высокія убѣжденія, разъ они не преображаютъ жизни своихъ исповѣдниковъ. Лицемеры и фанатики унижаютъ свои вѣрованія. Но когда „въ нашихъ добрыхъ дѣлахъ“ будетъ выражаться вліяніе „Отца нашего Небеснаго“, нашей христіанской религіи, то неужели насъ можно уважать и любить тогда только-за „общее доброе дѣло“? Неужели непочтенны высочайшія убѣжденія, создававшія и создающія духъ святого героизма и мученичества? Трудно повѣрить, чтобы можно было „не любить и не уважать“ настоящихъ искреннихъ христіанъ. Подлинное христіанство носить черты настолько высокой и вѣчно растущей интеллигентности, что всякая „интеллигенція“ увидала бы въ немъ свою подлинную цѣль, *будь бы это только не сокрыто отъ нея*. Къ тому именно и нужно стремиться, чтобы быть истинными христіанами, представителями и распространителями подлинной интеллигентности. Исповѣдывать же страшныя тайны вѣры именно потому, что безъ этого невозможна жизнь во всей ея глубинѣ и шири, и однако не ставить этого исповѣданія „во главу угла“ своей жизнедѣятельности—значитъ малодушествовать и кривить умомъ и совѣстью; это—образчикъ именно „неинтеллигентнаго“ отношенія къ вѣрѣ, за что невозможно дожидаться любви и уваженія отъ настоящей интеллигенціи.

Такимъ образомъ, боязнь стать на чисто-церковную почву вѣры и духа въ вопросѣ о сближеніи съ „интеллигенціей“ должна, по нашему мнѣнію, считаться яркимъ симптомомъ принципиальной болѣзни разсматриваемаго проекта — *недостатка живого и развитого христіанскаго вѣросознанія*.

III. Организациа приходской дѣятельности, какъ ожидаютъ учредители новаго общества, „дать выходъ накопленной общественной энергіи“, увлечетъ молодыхъ горячія силы, изнывающія отъ бездѣлья или увлеченныя идеями социализма; для этихъ силъ откроется „возможность приложенія... въ приходской организации, путемъ осуществленія просвѣтительныхъ и благотворительныхъ дѣлъ“.

Правда-ли это? Мы сомнѣваемся въ томъ, что организациа приходской благотворительности успокоитъ общественную совѣсть, удовлетворитъ порывамъ молодыхъ горячихъ душъ, часто гибнущихъ въ слѣпотѣ социалистическаго фанатизма.

Созданія школъ, приютовъ, богадѣленъ, домовъ трудолюбія, разныхъ больницъ и убѣжищъ, это, правда,—великое дѣло, подвигъ милосердаго самарянина. Однако въ своей простѣйшей формѣ этотъ подвигъ служитъ только началомъ, предварительнымъ шагомъ широкаго общественнаго дѣла братской любви. Въ наше время, при развитіи соціального мышленія, дѣль филантропіи не можетъ быть достаточно для того, чтобы успокоить общественную совѣсть. Задачи милосердія слишкомъ расширились. Недостаточно накормить и одѣть тѣхъ голодныхъ и раздѣтыхъ, которыхъ мы видимъ передъ собою. Надобно еще усиленно подумать о томъ, какъ сдѣлать, чтобы ряды ихъ ежечасно не увеличивались отъ ошибокъ и неправдъ нашей общей жизни. Это—вопросъ громадной трудности. Для преодоленія ея потребны не умственные только силы и напряженіе воли, но и „весь запасъ любви и милосердія, какой есть въ человѣческомъ сердцѣ“. И кто милосердно, кротко и разумно, какъ истинный ученикъ Христа, поможетъ намъ исправить кривизны и устранить неправды путей нашей общественной жизни, тотъ одѣнетъ и накормитъ больше несчастныхъ, чѣмъ многія филантропическія общества и благотворительныя учрежденія. Палліативы, конечно, благодѣтельны, но они никогда не могутъ замѣнить радикальнаго лѣченія.

Мы не хотимъ, конечно, имѣть никакого сочувственнаго отношенія къ социализму разбойническому, социализму безчеловѣчныхъ, озвѣрѣлыхъ людей, мечтающихъ найти цѣленіе отъ общаго зла въ еще большемъ злодѣйствѣ, надѣвающихъ тогу героевъ и благодѣтелей, чтобы замаскировать свое умственное и нравственное банкротство. Но если имѣть въ виду не этотъ самопротиворѣчивый (антисоціальный) социализмъ, а социализмъ въ чистомъ видѣ, т. е. дѣло честной братской любви, по которой требуется, чтобы одинъ не жилъ безъ крайней нужды на счетъ другого, чтобы для всѣхъ было доступно необходимое количество благъ земныхъ, безъ чего немислимо подлинное человѣческое достоинство и развитіе, и чтобы каждый въ этомъ смыслѣ и работалъ, если имѣть въ виду такой социализмъ, то неужели можно сказать, что Церковь враждебна ему и желала бы отклонить людей отъ увлеченія имъ?..

Нѣсколько баловней судьбы собираютъ безъ труда и за-

боты безчисленные богатства и утопаютъ въ удовольствіяхъ. Для составленія своихъ богатствъ, они такъ или иначе пускаютъ по-міру толпы людей, для своихъ грубыхъ удовольствій губятъ своихъ ближнихъ безъ счета. И для этихъ тысячъ больныхъ и бѣдныхъ они, въ лучшихъ случаяхъ, отъ своихъ богатствъ или на общественныя средства строятъ бѣдныя богадѣльни и больницы, унылые дома трудолюбія, жалкіе пріюты и ясли... А надъ трудящимся здоровымъ людомъ виситъ страшный экономическій гнетъ общій и всеохватывающій. Этотъ людъ изнываетъ въ аду фабрикъ, калѣчится въ подземельяхъ шахтъ, и все-таки трудъ его крайне дешевъ, да и самыя получаемыя имъ деньги дешевѣютъ съ каждымъ днемъ. Этотъ общій экономическій гнетъ и бѣдность трудящагося класса и связанныя съ этимъ бѣдствія: невѣжество, пьянство, развратъ, гонятъ народъ, иногда сильный и цвѣтущій, изъ кабаковъ на улицу, въ ночлежки, въ тюрьмы и больницы... И если мы вмѣсто цвѣтущихъ деревень и городовъ создадимъ безчисленные корпуса благотворительныхъ пріютовъ и убѣжищъ, то неужели намъ можно радоваться такому прогрессу благотворительности? Цѣль соціального развитія состоитъ совершенно не въ томъ, чтобы какъ можно больше было исправительныхъ и благотворительныхъ заведеній и убѣжищъ, а въ томъ, чтобы некого было въ нихъ собирать, чтобы ихъ не было. Какая радость забирать въ пріюты и дома трудолюбія здоровый народъ, сбитый съ ногъ жизненной машиной? Какое утѣшеніе дать ему вмѣсто простора и воздуха полей, вмѣсто своего дома и семейства—душную, грязную, унылую и чуждую обстановку. Какъ бы широко ни развернулась палліативная благотворительность, она никогда вполнѣ не удовлетворитъ тѣхъ, кто дѣйствительно любитъ людей...

Вопросъ соціализма труденъ для разрѣшенія; нѣкоторыми неудачными рѣшеніями и молодыми поборниками ихъ онъ и осложненъ и значительно скомпрометированъ; однако участвовать въ его истинной теоретической разработкѣ и практическомъ разрѣшеніи — непременный долгъ христіанской любви. И этой работы нельзя подмѣнить собраніями и дебатами о приходской благотворительности и организаціей ея въ „своемъ приходѣ“. Конечно, нельзя отдать вопроса и заботы объ общемъ соціальномъ оздоровленіи юношамъ; но

нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ великихъ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ постановки дѣла на зрѣлую церковную точку зрѣнія, освѣщенную духомъ и разумомъ любви Христовой.

Намъ говорятъ, что организація приходоѡ и будетъ именно церковнымъ разрѣшеніемъ соціального вопроса. Въ приходоѡхъ будутъ приняты мѣры къ предупрежденію бѣдности; они уподобятся первохристіанской общинѣ, гдѣ все было общее, гдѣ у многихъ вѣрующихъ было какъ бы одно сердце и одна душа.

Да все, это было дивно въ маленькой общинѣ, при древнихъ простыхъ отношеніяхъ (да и то какъ недолго и мимо-летно это было), но теперь, когда весь міръ затянутъ въ страшныя цѣпи всеобщаго кулачества и жадной наживы, можно-ли надѣяться на прочность такой организаціи?.. Въ одной общинѣ раздѣлится; но на долго-ли хватитъ собственныхъ силъ у общины? Развѣ все ея благосостояніе, кромѣ трудолюбія, не зависитъ и отъ окружающихъ другихъ общинъ, иногда инославныхъ или иновѣрныхъ? Нынѣ не маленькія только общины, но цѣлыя области и страны впадаютъ въ тяжелый безысходный пролетаріатъ. Какъ можетъ выносить общій экономическій гнетъ маленькая община?

Но, предположимъ, во всѣхъ общинахъ, во всѣхъ приходоѡхъ нашей земли установится нормальная экономическая жизнь на перво-христіанскихъ началахъ. Могутъ ли эти приходы жить и благоденствовать врозь, могутъ ли совершать свои экономическія функціи отдѣльно? Нѣтъ. Дѣлая каждая для себя, каждая община будетъ поступать хищнически. Для общаго блага всѣхъ общинъ нуженъ общій порядокъ, общее управленіе. А это—дѣло государственной экономики, а не Церкви. Общую государственную экономику уничтожить нельзя. А въ этой-то сферѣ и имѣетъ свое основаніе—соціализмъ. Разъ человекъ убѣжденъ, что благосостояніе каждаго человека или прихода зависитъ отъ общихъ экономическихъ порядковъ, которыхъ пребороть въ какой бы то ни было норѣ или „ячейкѣ“ нельзя, то ясно, что требованія любви и совѣсти повлекутъ его работать именно въ сферѣ общаго порядка, а не въ той или иной частной ячейкѣ; и не дѣло Церкви—препятствовать этому: дѣятели на этой нивѣ могутъ быть посланниками именно

Церкви, работниками въ ея духѣ; и это было бы великимъ благомъ.

Отдѣльное устройство приходскаго благополучія въ нужной мѣрѣ недостижимо. Слишкомъ многіе приходы состоятъ изъ бѣдняковъ, богатыхъ сравнительно только съ нищими. Какъ они пропитаютъ бродячій бездѣльный элементъ? Есть и болѣе зажиточные приходы; но согласно-ли съ апостольскимъ духомъ (2 Фесс. III, 6—12) кормить туеядцевъ, отнимая благочестивыми побужденіями хлѣбъ у дѣтей трудящихся? Искать имъ работы? Кто будетъ искать, если они и сами не найдутъ? Кто будетъ искать безъ того, чтобы и самому, оставивъ свое дѣло, не сдѣлаться праздношатайцемъ?.. На короткое время богачи-прихожане прокормятъ бѣдняковъ, а потомъ нужно всѣмъ зарабатывать; въ районѣ прихода всѣмъ не заработать: у себя самого не заработаешь; приходится выходить изъ „ячейки-прихода“, и вотъ—столкновение съ общимъ экономическимъ гнетомъ, съ страшно-могучими причинами, создающими пролетаріатъ... Да это, конечно, и безъ словъ понятно.

Можно, пожалуй, проектировать жизнь самостоятельныхъ приходо-колоній, оторвавъ ихъ отъ общаго теченія жизни, посадивъ на землю и низведши къ первобытной культурѣ, при которой все нужное есть у себя или вообще въ своей деревнѣ. Но совсѣмъ не церковное дѣло—какъ бы то ни было „низводить“ человѣка, а потомъ—и здѣсь возникаетъ масса хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшить которые призвана опять таки не церковная, а именно социальная политико-экономическая мысль...

Кто дѣлаетъ добро, тотъ знаетъ, что доброе дѣло, вышедшее изъ сердца, просто, безъ всякихъ рефлексій и соображеній, только въ силу чувства братской любви, способно само по себѣ согрѣвать и исцѣлять душу и само по себѣ заслуживаетъ всякаго сочувствія и уваженія. Поэтому безъ всякихъ теоретическихъ и церковно-жизненныхъ соображеній, по одному тому, что проектъ приходской благотворительности имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣланіе добра людямъ, онъ тѣмъ самымъ заслуживаетъ нашихъ горячихъ и полныхъ симпатій. Такія именно чувства въ отношеніи его, конечно, раздѣляются и нами. Поэтому да не подумаетъ читатель, что мы споримъ съ учредителями но-

ваго общества по недостатку сочувствія къ привлекающей ихъ добродѣтели; нѣтъ, напротивъ, именно по силѣ сочувствія, по искреннему желанію, чтобы добродѣтель ихъ была подлинно-живою и подлинно-церковною. Преувеличеніе значенія приходской благотворительности, какъ средства, которое будто бы исцѣлитъ всѣ недуги современнаго общественнаго строя и привлечетъ къ себѣ искренній молодой и добрый социализмъ, сдѣлавъ излишними его специальныя задачи,—это преувеличеніе обнаруживаетъ мечтательность, несвойственную зрѣлой добродѣтели. Ужасный социализмъ несчастныхъ юношей, нерѣдко зараженныхъ тѣмъ духомъ насилія, хищничества и сладострастія, который они такъ сильно бичуютъ въ другихъ,—юношей, подогрѣвающихъ свой пылъ виномъ и „потрясающихъ дубинкой Каина“, потому между прочимъ и возможенъ, что мало у насъ социализма истиннаго, т. е. единого и всеобщаго, одушевленнаго и чистаго стремленія къ братству и благу всѣхъ людей. Да благословенны будутъ усилія малыхъ общинъ въ дѣлѣ ихъ благоустройства; но да будутъ особенно благословенны горячія неудержимыя порывы ко всеобщему братству и благополучію людей. Эта чистая вселенская добродѣтель не должна умаляться во имя „своего прихода“, она должна горѣть, освѣщая и приходскую добродѣтель. Но зрѣлое, одушевленное и неограниченное служеніе благу людей возможно только не въ силу удачнаго копированія тѣхъ или иныхъ благотворительныхъ порядковъ и уставовъ, а въ силу живого и всецѣлаго проникновенія тѣмъ единымъ Духомъ, Которымъ живится весь міръ, всякая душа и Церковь, одушевленіе которымъ есть плодъ вѣры Христовой, безъ которой не можетъ быть подлиннаго вѣчно-юнаго могучаго и беззавѣтнаго добра. Не напрасно сказано: „безъ Меня не можетъ дѣлать ничего“. Единство не на почвѣ приходскаго добра, а *единство во Христѣ*,—вотъ только какую всеобъемлющую силу божественнаго добра признаетъ и усиливается достигнуть Церковь. Робость въ названіи этой силы, вѣра въ могущество организацій, цѣпляющихся другъ за друга какъ колески въ часахъ, нѣкоторая мечтательность и нѣкоторый оттѣнокъ какъ-бы буржуазности,—вотъ съ чѣмъ мы не можемъ примириться въ разбираемомъ проектѣ, вотъ что кажется намъ въ проектируемой приход-

ской добродѣтели несогласнымъ съ подлинно-церковнымъ духомъ.

„Духа не угашайте“. Принизивъ вѣру и идею добра, вы охладите горячность „личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга“, вы ослабите силу „свободныхъ починовъ“, свободного и живого творчества нравственной воли, силу тѣхъ могучихъ побужденій, подъ вліяніемъ которыхъ, безъ организациі и заповѣдей, человѣкъ отдаетъ душу свою за брата своего!...

IV. Выписываемъ изъ Церковнаго Вѣстника (1903 годъ № 32, столб. 994—995) слѣдующія весьма странныя на нашъ взглядъ, слова: „нечего и говорить, что у насъ нѣтъ прихода. Близко къ печальной правдѣ то, что говорилось какъ-то В. Розановымъ: „храмъ для теперешняго христіанина—не центръ всей его жизни, а случайно-проходное мѣсто. Человѣкъ здѣсь гость: есть время,—зашель, помолился, потомъ вонъ пошелъ. Нѣтъ времени,—прошелъ мимо“... Приходи у насъ только „для праздниковъ“, будь это праздникъ общій... или семейный... А въ „будни“ мы къ храму никакъ непричастны. Этотъ храмъ зовется приходскимъ, но приходскій храмъ всегда понимался, какъ только центръ прихода—общины. Общины этой нѣтъ у насъ даже и въ праздники. Никакой общей жизни, сосредоточенной около храма, нѣтъ тоже. „Куча камней, несоединенная никакимъ цементомъ, имѣетъ болѣе связи, чѣмъ члены прихода“ (Самаринъ)... Средствомъ къ тому, чтобы уничтожить такой распадъ церковной жизни, можетъ быть только одно—возстановленіе прихода, какъ церковно-общественной единицы“.

Извиняемся за рѣзкость, но выписанныя слова на нашъ взглядъ представляются безотчетными,—сплошнымъ нагроможденіемъ неосновательныхъ и странныхъ сужденій.

Жизнь вѣрующихъ во Христъ, общеніе ихъ въ таинствахъ, единство вѣры, любви, упованія,—вотъ сущность церковной жизни, корень ея, плодами отъ котораго является все великое и святое въ жизни христіанъ. Можно говорить о недостаткахъ развитія въ насъ этой церковной жизни, но, что ея—нѣтъ... это странно. Развѣ нѣтъ у насъ объединяющихъ молитвъ, таинствъ, торжествъ, могучихъ духомъ и словомъ пастырей, тайнаго геройства добра? Единая вѣра, общая молитва, единая Чаша Христова—развѣ уже это настолько

перереальная и незамѣтная связь вѣрующихъ, что „куча камней, несоединенная никакимъ цементомъ, имѣетъ болѣе связи?“ Вѣдь если это правда, то тогда нѣтъ совсѣмъ Церкви и она вовсе не нужна людямъ. Если даже и въ праздники, въ моменты великихъ торжествъ нашей вѣры, мы не представляемъ собою единой семьи и общины, и „никакой общей жизни, сосредоточенной около храма“, у насъ нѣтъ, то что такое наши праздники, наше единство въ величайшихъ таинствахъ нашей вѣры, благодать и сила Евангелія?

Можно догадаться, что въ указанной выпискѣ разумѣется не духовно-таинственное единеніе вѣрующихъ, а внѣшнее, мірское, общественно-земское. Но тогда зачѣмъ называть приходъ *церковно-общественной* единицей, зачѣмъ говорить о храмѣ, молитвѣ, таинствахъ и праздникахъ, зачѣмъ отсутствіе общественнаго движенія въ приходѣхъ называть „распадомъ *церковной* жизни?“ Тогда и нужно бы говорить только „земскимъ“ языкомъ, относительно именно общественнаго значенія прихода. Но въ этомъ отношеніи приходъ, какъ мелкая земская единица, можетъ быть и неразвѣтъ, но онъ есть: сельское „общество“ почти всегда совпадаетъ съ приходомъ, молится въ одномъ храмѣ, который оно и строитъ и содержитъ; члены этихъ обществъ, помимо общественно-дѣловыхъ сходовъ, всегда другъ другу близки и знакомы; можно-ли говорить, что эти общины—безсвязныя кучи камней?

Очевидно, мечтающіе о приходѣ существенною жизнью Церкви считаютъ не общеніе и единство вѣры, духа и любви между христіанами и торжество этихъ началъ въ ихъ дѣятельной жизни, а внѣшнюю шумиху приходскихъ организацій и приходскихъ сходовъ въ храмѣ. Связей сельско-общественныхъ они не хотятъ признать, такъ какъ общественные сходы собираются не въ храмѣ, а въ „мірской“ избѣ. Церковное и мірское, Божественное и земское они перепутали, церковныя цѣли смѣшивали съ земско-общественными, жизнь Церкви—съ оживленностью храма; и разъ мірскихъ сходовъ не бываетъ въ храмѣ, то у нихъ получается выводъ: нѣтъ церковной жизни, нѣтъ прихода.

Странно: что бы такое могли обозначать вышеприведенныя изъ Ц. В. слова Розанова? Вѣдь не можетъ же онъ на

самомъ дѣлѣ требовать, чтобы христіанинъ ходилъ въ храмъ не только когда у него „есть время“, но и когда „нѣтъ его“, когда онъ подавленъ неотложнымъ трудомъ жизни? Вѣдь не думаетъ же онъ вправду, что христіанину грѣшно, зайдя и помолвившись въ храмѣ, „пойти вонъ“, или, работая за хлѣбъ насущный, „пройти мимо“ храма?.. Храмъ будто бы „для теперешняго христіанина случайно-проходное мѣсто“. Что за выдумка? Для храма отведены спеціальныя, нарочитыя дни; къ храму готовятся намѣренно, а не заходятъ случайно, идя на базаръ; въ дни храмовыхъ моленій и торжествъ смолкаетъ торгъ и суета житейская. Такъ развѣ это случайное прохожденіе храма?.. Потомъ, Розанову-то нужно бы умѣть выразить ту, не чуждую, конечно, ему мысль, что храмъ становится „центромъ всей жизни“ христіанина не въ силу пространственнаго положенія этого „мѣста“ въ центрѣ базара житейской суеты и не въ силу количества посѣщеній и отданнаго храму времени, а въ силу его идейнаго и духовнаго, независящаго отъ пространства и времени, содержанія.

Ненормальность нашего отношенія къ храму характеризуется въ замѣткѣ Ц. В. тѣмъ, что „храмъ и приходъ у насъ только для праздниковъ, а въ будни мы къ храму никакъ не причастны“... Тяжело отвѣчать на это. Выходить, что ошибся Тотъ, Кто далъ человѣку законъ труда и назначилъ седьмой день для нарочитаго служенія Господу. Въ жизни человѣкъ несетъ подневольный, часто мелочной, принимающій, но неизбѣжный трудъ, безъ котораго онъ лишается насущнаго хлѣба. Этого труда нельзя сдѣлать въ храмѣ; однако вѣрующій человѣкъ всегда предъ Богомъ, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни трудился. И вотъ требуется, чтобы онъ постоянно трудился именно „около храма и во имя (?) храма даже и въ будни“. Храмы отворятся, когда, кромѣ бесѣдъ и спѣвокъ, прихожане будутъ собираться и „для обсужденія своихъ церковно-приходскихъ дѣлъ“...

Странная эта мечта, это желаніе привязать къ храму „и будни“. Зачѣмъ нужно, чтобы неизбѣжно-суетныя и пошлыя будни ворвались и въ „домъ молитвы“, чтобы и тамъ не было отъ нихъ защиты? Теперь будто бы храмъ теряетъ свое значеніе отъ отсутствія въ немъ и при немъ будней, а когда мы перенесемъ ихъ къ храму, то онъ сдѣлается

будто бы дѣйствительно „центромъ жизни“... Трудно вообразить въ частностяхъ, какъ могутъ быть будни привязаны къ храму ¹⁾. Но какъ бы ни воображать, это все равно будетъ мечтою о пограниі храма, о заглушеніи его голоса и вліянія на нравственный центръ жизни „базаромъ житейской суеты“ или, по крайней мѣрѣ, шумомъ и сутолокою „благочестивой толкучки“ союзовъ, кружковъ, спѣвокъ и сходовъ, дебатовъ и общеприходскихъ счетовъ церковныхъ денегъ...

Да, для храма должно быть посвящено особое специальное время; да, оно должно *быть* у человѣка, т. е. быть свободнымъ отъ дѣлъ, суеты и грязи будней; да, дѣйствительно, у христіанъ долженъ быть храмъ *для праздниковъ*, т. е. посвященный Богу „домъ молитвы“, „домъ Отца“, безусловно удаленный и защищенный отъ шума и прозы удручающихъ и принимающихъ будней. Въ этомъ домѣ Божіемъ, оторвавшись отъ обычной сутолоки, человѣкъ долженъ съ высоты небесной взглянуть на пути своей жизни. Домъ молитвы есть мѣсто общенія Бога съ душами людей, для чего необходимо этимъ душамъ оторваться отъ житейскихъ попеченій и обстановки. Потому и установленъ день Господень, праздникъ, воскресенье, „недѣля“, *недѣланіе*.

И если въ этотъ день храмъ живъ, живъ духомъ своимъ, то тѣмъ-то онъ и дѣлается центромъ и корнемъ жизни. Очищенный, успокоенный, просвѣщенный видѣніемъ неба и согрѣтый духомъ любви Христовой, христіанинъ унесетъ изъ храма въ душѣ своей корень жизни Царства Божія. Этотъ корень прорастетъ и принесетъ зелень и плодъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни трудился человѣкъ въ будни. Онъ въ будни и въ праздникъ не въ храмѣ только, но и на всякомъ мѣстѣ поклонится Отцу духомъ своихъ дѣлъ и истинною своей жизни. Къ тому только и нужно стремиться, чтобы корень истинной жизни на самомъ дѣлѣ оживалъ въ человѣкѣ въ день праздничный, т. е. чтобы въ храмѣ

¹⁾ Что же нужно перенести въ храмъ и къ храму: гимназін, мастерскія, канцеляріи, магазины? Или все это уничтожить и свести жизнь къ „храмовому“ труду? Но какъ поступить съ трудомъ земледѣльца, каменолома, рыбака и др. под.? „Всеприходскія работы въ храмѣ, при храмѣ и во имя храма и въ будни“—все это представляетъ вообще что-то мавилловское.

былъ дѣйствительный расцвѣтъ подлинной жизни Церкви. Насытившись и оживши въ христіанскомъ чувствѣ и міровоззрѣніи, христіанинъ внесетъ живую силу и духъ во всѣ учрежденія (общины, своего рода „храмы“), въ которыхъ онъ служить и работаетъ въ будни. Когда храмъ будетъ живъ именно какъ домъ молитвы, тогда-то онъ и будетъ захватывать все большій и большій кругъ жизни, тогда-то онъ извнутри, чрезъ совѣсти человѣческія, всюду проникнетъ и покоритъ Христу жизнь міра; это и будетъ торжествомъ истиннаго церковнаго духа. А если главнымъ образомъ стараться пространственно приурочить всю жизнь къ храму „и въ будни“, то это будетъ побѣжденіемъ церкви и храма суетою и духомъ жизни „міра сего“, такъ какъ „міръ“ или „приходъ“, невкусившій еще вполнѣ жизни Божіей, ворвется „съ неумытыми руками“ въ домъ Божій, въ чаши общественныхъ благъ для своей „ячейки“, на шумитъ въ немъ на своихъ сходкахъ по приходскимъ и мірскимъ дѣламъ и надругается надъ святой тишиною дома молитвы непрестаннымъ звономъ приходской казны, раздоромъ партій изъ-за вопросовъ „храмового хозяйства“...

Итакъ, нужно болѣть и радѣть о внутренней духовной жизненности Церкви и храма, а не о шумной оживленности дворовъ церковныхъ при всеприходныхъ работахъ и въ будни въ храмѣ, при храмѣ и около него. Мѣсто и сосѣдство въ работѣ не объединяетъ людей, разъ въ нихъ нѣтъ единаго духа любви и вѣры; въ приходской же толкучкѣ скорѣе люди наскучатъ другъ другу и отравятъ своими буднями благоговѣніе къ храму и трезвое чувство другъ къ другу. Не о томъ нужно горѣть мечтою, чтобы свести жизнь къ видимому храму, а о томъ, чтобы всю жизнь обнять и покрыть невидимымъ храмомъ, т. е. проникнуть подлинно Христовымъ духомъ, создать изъ всѣхъ единую церковь, на всякомъ мѣстѣ живую и дѣйственную. А это, правда, достигается главнымъ образомъ оживленіемъ душъ человѣческихъ въ видимыхъ храмахъ, но это только тогда, когда эти храмы дѣйствительно посвящены Богу, когда не забыты слова Того, Кто въ храмѣ больше всѣхъ: *домъ Мой домою молитвы назовется для всѣхъ народовъ* (Марк. XI, 17, Исаи LVI, 7)! Мы не властны подмѣнить этого назначенія храма...

Поэтому съ горькимъ чувствомъ приходится выписывать

такія заявленія: „приходскій храмъ всегда (?) понимался, какъ только (?) центръ прихода-общины (см. выше выписку изъ Ц. В.)“. Что за горькое смѣшеніе! „Только центромъ прихода-общины“ считалась всегда сборная „мірская изба“, а не храмъ. Храмъ Церковью всегда понимался какъ мѣсто выраженія и развитія общецерковнаго вселенскаго сознанія. Храмъ—общеніе Бога и людей, общеніе Церкви небесной съ земною. Храмъ всегда понимался въ христіанствѣ именно какъ мѣсто единенія людей, своего или иного прихода безразлично,—съ единой вселенной Церковью, а не какъ централизація случайнаго приходскаго района, отрывающая его отъ общей жизни въ маленькую отдѣльную ячейку. Если въ нѣкоторомъ смыслѣ храмъ—центръ прихода, то именно прихода, понимаемаго какъ мѣстная *церковь*, а не какъ мелкая *земская единица*; храмъ—мѣсто единенія людей, своего ли прихода или иныхъ, въ высшихъ интересахъ, въ Божескихъ дѣлахъ, во вселенскихъ чувствахъ. Для временныхъ же интересовъ опредѣленной мѣстной общественной группы, для счета приходской казны, сходовъ и дебатовъ по приходскимъ дѣламъ, *храмъ не можетъ быть „центромъ“*. Если навязать храму значеніе приходской ратуши, думы, вспомогательнаго для правительства органа мѣстнаго самоуправленія (Ц. В. 1903, № 38, столб. 1189), то это будетъ поправленіемъ христіанской идеи дома Божія, гоненіемъ на подлинныя и чистыя интересы Церкви Христовой, продолженіемъ и усиленіемъ того порядка, который именно и изсушаетъ церковную жизнь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. Дим. Силинъ.
